

ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВА

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

В последние годы терроризм вышел на первый план в ряду угроз глобальной безопасности. Одной из наиболее острых проблем оказалась его финансовая самодостаточность. *Прежде радикальные группировки, использовавшие террористические методы, представляли относительно маргинальные силы и нуждались в постоянной подпитке со стороны каких-либо государств. Теперь же современные транснациональные террористические сети успешно перешли на самофинансирование и располагают устойчивыми источниками получения собственных средств.*

Ярким примером подобной сети стала «Аль-Каида», которая обладала значительными финансовыми средствами и имела различные варианты их пополнения. Она не только не зависела от поддержки какого-то из правительств, а сама была в состоянии поддерживать ряд режимов, не говоря уже о способности самостоятельно оплачивать свою инфраструктуру, каналы коммуникаций, систему подготовки и операции. Формирование самодостаточной сети стало главной «заслугой» и основным источником личного авторитета и власти Усамы бен Ладена. Ряд авторов склонен рассматривать «Аль-Каиду» в первую очередь как разветвленную систему сбора и накопления средств — своего рода всемирную финансовую базу глобального джихада. Не случайно «аль-каида» в переводе с арабского и означает «база».

Долгие годы борьба с группировками террористического характера велась прежде всего путем давления на государства, которые их финансировали. Сегодня «государственное финансирование» терроризма явно сокращается¹, но от этого бороться с ним не становится легче. «Террооропасные» радикально-националистические, революционные, лево- и правоэкстремистские группировки приобшились к теневой экономической деятельности и обросли связями с международной преступностью. Сложнее обстоит дело с *радикальными исламскими сетями джихадистского типа*², финансирование которых отличается рядом уникальных особенностей.

1

Изучение проблем финансирования радикальных организаций, ведущих террористическую деятельность или использующих террористические методы в вооруженной борьбе, — задача не из легких. Она многократно усложняется, когда речь заходит о группировках радикально исламского толка. Причиной тому служит значительная роль религиозной составляющей в их идеологии, организационном строении, повседневной деятельности и собственно финансировании.

Ислам уделяет особое внимание благотворительности и пожертвованиям как религиозному долгу мусульманина. В исламском мире благотворительность стала

одним из основных видов общественной и финансовой активности, а исламские благотворительные фонды и сети социальной помощи — основными общественными организациями.

Этим во многом объясняется широкая поддержка исламских организаций — их *социальная работа часто не просто вбирает в себя элементы общественного протеста (против светских правительств мусульманских стран и/или западных обществ), она в известном смысле становится формой его выражения*. Если речь идет о радикальных организациях, выдвигающих религиозно-политические цели и не делающих различий между политикой, религией и обществом, понятий в самом деле нераздельных в фундаменталистской трактовке исламского государства, то поддержка соответствующих объединений может органично перерасти и в поддержку их конкретных протестных действий, даже вооруженного насилия.

Система финансирования исламских группировок, в том числе радикальных, формировалась не под влиянием случайных обстоятельств, а в значительной мере была производной от их идеологии. Основной финансовый благополучия радикально-исламских движений остается поддержка их социально-политических по смыслу и религиозно-философских по форме целей населением мусульманских стран. Эти цели по-прежнему созвучны мироощущению тех социальных слоев (включая элитные), которые «оказались за бортом» светской модернизации западного типа или не пожелали принять ее условия. В политико-психологическом отношении к таковым плотно примыкают *неинтегрированные элементы мусульманских диаспор в странах Запада*.

Основной финансовой поддержкой большинства радикальных исламских группировок являются поступления, изначально получаемые в виде религиозных пожертвований. После окончания «холодной войны» организации религиозно-политического характера, в особенности исламистские, имели более устойчивую финансовую ба-

зу, чем все светские группировки националистической, левой или любой другой ориентации. Причем исламистские объединения (например, «Хамас» на палестинских территориях) пользуются репутацией организаций, менее коррумпированных, чем любые другие.

Важнейшим источником финансирования всех исламских группировок служат регулярные (*закят*) и добровольные (*садака*) пожертвования верующих на благотворительные нужды. Они считаются обязательными для всех правоверных мусульман. Хотя *закят* вносится частными и юридическими лицами *регулярно*, он традиционно *юридически не регулируется* властями (особенно светскими) и не подлежит налоговой, аудиторской и какой-либо другой проверке со стороны государства.

На стадии сбора (в мечетях, исламских банках и т.д.) эти средства абсолютно *легальны*. Они управляются различными исламскими фондами и благотворительными организациями, такими, как Международная организация исламской помощи в Саудовской Аравии или Всемирная мусульманская лига, имеющая свыше 100 филиалов в более чем 30 странах мира. Большую роль играют также институты исламской банковской системы³.

В соответствии с нормами ислама, регулярные пожертвования в виде *закята официально предназначены* для благотворительности: помощь бедным (*лиль-фукара*), нуждающимся, в том числе путникам (*лиль-масакин*), и, наконец, на богоугодные дела (*фи-сабиль-алла*), например, на пропаганду ислама, печатание и распространение Корана и строительство мечетей. На деле часть этих средств может перераспределяться на нужды джихада и его ведущих радикальных исламистских группировок. Таким образом, даже те из радикально-исламских организаций, которые ведут террористическую деятельность и объявлены вне закона, зачастую финансируются из *исначально легальных (!) источников*. «Подпитка» в этом случае осуществляется по принципу *не отмывания грязных денег, а загрязнения чистых*.

Следовательно, борьба с отмыванием денег с ее традиционно высокими требованиями к легальности доходов любых «подозрительных» лиц или организаций не вполне учитывает специфику финансирования исламистских объединений. В этом смысле ее эффективность заведомо ограничена. Вот почему требуется комплекс мер, сфокусированных именно на предупреждении *криминализации средств, полученных легальным путем* — как в собственно мусульманских странах, так и в исламских общинах немусульманских, прежде всего, западных государств.

Ускоренный рост численности мусульманских диаспор на Западе в 1990-х годах сопровождался усилением замкнутости, относительной самодостаточности, отчуждением от окружающей среды принимающих обществ и религиозно-политической радикализацией части исламских общин. Это привело к активизации очагов поддержки исламских радикалов внутри Западного мира. Мусульманские диаспоры, особенно в Великобритании, ФРГ и скандинавских странах, не только стали все активнее использоваться радикальными исламскими группировками как источник финансовой поддержки (поступавшей в виде легальных религиозных пожертвований и потому юридически неуязвимой), но и сами начали генерировать исламский экстремизм.

В самом упрощенном виде, средства «исламских пожертвований» от частных лиц, компаний и финансовых институтов посредством банковских переводов поступают на счета головных благотворительных организаций, сохраняя на этом этапе легальный характер. Затем они переводятся (тоже зачастую легально) в местные отделения соответствующих фондов. Там они дробятся и различными путями поступают в распоряжение радикальных группировок, на этом этапе и происходит криминализация денег.

На ранних стадиях цепочки средства могут проходить по официальным каналам банковско-финансовой системы, включая ее наименее прозрачные сектора, например, страны с ограниченным финансовым

контролем и высокой степенью банковской тайны⁴. При этом в глазах террористов дополнительным «преимуществом» исламских банков является присущая им практика слияния, смешивания средств разных вкладчиков, в том числе пожертвователей, при формировании пулов инвестиций в те или иные проекты. При такой системе работы труднее проследить путь прохождения анонимных денежных переводов, их настоящий источник, а самое главное — конечного получателя.

Кроме того, официальные банковские каналы являются отнюдь не единственным инструментом перевода финансовых трансакций. В исламских странах распространена, например, традиционная неформальная система денежных переводов, известная под названием *хавалья*⁵. Она основана на доверии, закреплённом, как правило, чрезвычайно длительным (иногда на протяжении нескольких поколений) опытом личного или семейно-кланового делового общения между финансовыми посредниками в разных странах. В рамках такой системы нормальной практикой является устное (по телефону) уведомление одной стороной своего представителя в другой стране или другом городе о необходимости просто (без расписки или иной документации) передать наличные средства непосредственно какому-то названному лицу. Естественно, такого рода операции официально никак не регистрируются, их факт почти невозможно подтвердить юридически, а проследить чрезвычайно сложно.

«Прикрывая» перевод денежных средств, нелегалы прибегают к такому относительно простому способу, как выписка чеков с заведомо завышенными суммами оплаты легальных экономических операций. Наконец, используются методы контрабанды наличности, золота и драгоценных камней.

Из всех исламистских организаций «Аль-Каиде» удалось создать наиболее развитую международную сеть сбора и перераспределения средств. Основная часть ее бюджета поступала из формально легальных источников, прежде всего *закята*, а

также в виде доходов от законной экономической деятельности (строительного бизнеса, торговли), личного состояния семьи бен Ладенов. По некоторым оценкам, за 1990-е годы общий объем средств, собранных в виде *закята* и переправленных «Аль-Каиде» через благотворительные организации и другими путями, мог быть эквивалентен 300–500 млн. долларов, то есть до 50 млн. долларов ежегодно⁶.

Среди благотворительных организаций, часто упоминаемых в связи с «Аль-Каидой», отметим Комитет поддержки Афганистана (Афганистан), Фонд Аль-Рашида и гуманитарная организация «Вафа» (Пакистан), Общество возрождения исламского наследия (Кувейт), Фонд «Аль-Харамейн» (Саудовская Аравия), Фонд помощи и развития Святой Земли, базировавшийся в США. Хотя эти организации и их филиалы действовали в разных странах, включая западные, основным источником финансирования этих фондов были исламские пожертвования. При этом наибольшая часть подобных исламских пожертвований традиционно собирается в Саудовской Аравии и других богатых арабских странах Персидского залива. Сбор средств велся и в других странах Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Европы и даже Северной Америки.

Большая часть этих средств (возможно, до 90%) шла на развитие инфраструктуры системы партнерства «Аль-Каиды»⁷ в разных регионах – от Юго-Западной и Центральной Азии до Филиппин и Индонезии, а так же на оплату «защиты и убежища» со стороны режимов стран, гостем которых был бен Ладен после запрета его организации в Саудовской Аравии (правительство Тураби в Судане и режим талибов в Афганистане). Во всех странах пребывания эта организация оставалась на самофинансировании – не местные правительства финансировали «Аль-Каиду», а она оказывала им финансовую помощь. Судя по структуре расходов «Аль-Каиды», ее сеть была ориентирована прежде всего на *максимально широкое распространение радикальной идеологии, поиск союзников, консолидацию*

широкого транснационального джихадистского движения.

Крупные затраты на поддержание сети в целом позволяли существенно сократить текущие оперативные расходы «Аль-Каиды». Последние были в основном связаны с инвестициями в легальный и теневой бизнес в странах базирования новых ячеек, а также с планированием, подготовкой и осуществлением террористических актов. Тесные контакты «Аль-Каиды» с местными исламистскими группировками, лучше приспособленными к действиям в конкретных условиях стран пребывания, частично объясняют, почему непосредственные расходы этой организации на террористическую деятельность могли составлять менее 10% ее общих затрат. Важно учесть и то обстоятельство, что проведение даже масштабных терактов с применением обычных средств, не требует особенно крупных затрат: по некоторым оценкам, стоимость подготовки терактов 11 сентября 2001 г. в США составляла 300–500 тыс. долларов⁸.

2

Пресечь основные каналы финансирования исламских экстремистских организаций – сложная задача. Соответствующие меры недостаточно учитывают специфику финансовой «подпитки» исламистов. В частности, вряд ли стоит ожидать особого результата от таких мер, как создание «белого списка» благонадежных исламских благотворительных организаций⁹ или поголовное выявление, принудительная постановка на учет всех действующих в США профессиональных посредников, осуществляющих денежные переводы по системе хавала¹⁰.

Некоторые жесткие меры, предпринятые Соединенными Штатами для разгрома финансовых компаний, специализировавшихся на переводе денежных средств выходцев из исламских стран в страны их происхождения, больше всего ударили по населению бедных исламских государств. Так, в результате предпринятого Соединенными Штатами ужесточения мер пос-

ледовало фактическое разорение крупнейшей сомалийской финансово-экономической группы «Аль-Баракат». Итогом стало резкое ухудшение экономической ситуации в Сомали, значительная часть населения которой живет на денежные переводы от сомалийской диаспоры в западных странах¹¹.

Правительства «умеренных» мусульманских стран способны разрабатывать более адекватные, учитывающие местные условия меры для ограничения финансовой подпитки террористов. Однако, как показывает практика, готовность властей к принятию решительных и неортодоксальных шагов против террористов в решающей мере зависит от того, как сами местные правительства оценивают меру террористической угрозы для своей страны. Хотя, например, власти Саудовской Аравии запретили деятельность «Аль-Каиды» на территории своей страны еще в 1991 году, а в 1994-м заморозили счета Усамы бен Ладена, саудовское правительство начало активно бороться с финансированием терроризма лишь после серии масштабных терактов 2003–2004 годов на территории самого Королевства.

Эр-Рияд ввел систему своеобразных финансовых «фильтров», призванных отделить законное использование средств закята от незаконного. Предложенные меры предусматривали ограничение расчетов наличностью при уплате исламских налогов, запрет на сбор наличных денег в качестве пожертвований в мечетях, крупных магазинах и культурных центрах, а также исключение практики выдачи наличности со счетов благотворительных организаций. Последним разрешалось открывать новые счета только в национальной валюте, причем все средства было предписано сосредотачивать на одном счете, движение по которому подлежало строгому контролю. Теперь за пределы Саудовской Аравии благотворительные средства можно переводить только по специальному разрешению министерства иностранных дел. А все благотворительные организации и фонды Королевства

были обязаны пройти аудиторские проверки, которые завершились в основном к маю 2003 года.

Кроме того, в стране была создана правительственная Комиссия по надзору за благотворительными организациями. Постепенно (при поддержке администрации США и ряда европейских стран) были ликвидированы филиалы Фонда «Аль-Харамейн» в Боснии, Сомали, Индонезии, Кении, Танзании, Пакистане, Афганистане, Албании, Бангладеш, Эфиопии и Нидерландах. В июле 2004 г. была распущена и головная организация этого фонда в самой Саудовской Аравии. Для координации частной исламской благотворительности, в том числе за пределами страны, было решено создать единую неправительственную организацию, которой, однако, предписывалось действовать в тесном контакте с властями¹².

Одновременно была выдвинута идея ввести правила расходования средств от закята, использование которых предлагается ограничить целями финансирования исключительно конкретных гуманитарных, образовательных и социально-экономических проектов с соответствующим уровнем официальной банковской отчетности.

3

Доля внутренних и внешних, легальных и нелегальных, неправительственных и государственных источников в финансировании радикальных исламских организаций сильно варьируется. Как правило, чем шире спектр деятельности организации, тем сложнее ее структура и тем больше у нее возможностей получить финансовую помощь¹³. Наряду с религиозными пожертвованиями и уменьшающейся поддержкой со стороны некоторых государств, источником финансирования ряда исламистских группировок может служить теневой бизнес и связи с преступностью, в том числе транснациональной. При этом наибольшее сходство с деятельностью преступных группировок состоит в нелегальных методах *аккумуляции* средств и их последующего *отмывания*, в то время как ос-

новые различия приходится на характер их *расходования*.

С точки зрения степени вовлеченности исламистских организаций и сетей в криминальную и теневую экономическую деятельность, можно выделить две основные тенденции и соответствующие им два типа группировок.

Во-первых, речь идет о том, что в целях сбора средств теневые виды экономической деятельности все чаще используются группировками и движениями, изначально сформировавшимися на базе радикальной исламской идеологии. В практических действиях они руководствуются специальными религиозно-правовыми постановлениями (*фетвами*).

Для организаций этого типа криминальная активность не являлась традиционной. Большинство из них не использовали в качестве источника финансирования такие типичные для неисламских террористических группировок криминальные «промыслы», как грабежи, «экспроприации», нападения на банки, рэкет и другие формы вымогательства¹⁴.

Тем не менее, группировки этого типа, особенно если они базируются или имеют филиалы в странах производства или транзита наркотиков (Афганистан, Таджикистан, Пакистан, Ливан и т.п.), могут быть в разной степени причастны к наркобизнесу¹⁵, сборам с контрабандной торговли (например, золотом) и т.д. Несмотря на общее для большинства исламистских организаций отрицательное отношение к потреблению наркотиков, возможность использования доходов от их сбыта в целях финансирования джихада оправдывается необходимостью таким образом «изнутри ослабить Запад» (и/или, например, Израиль).

Пока нет данных о существовании особой *фетвы*, которая бы содержала прямую санкцию участия исламистских организаций в наркобизнесе или другой теневой экономической деятельности под предлогом ее направленности против «неверных». Но положение о тотальном характере борьбы с ними, неоднократно повто-

рившееся бен Ладеном (в том числе в его *фетве* от февраля 1998 года), интерпретируется радикальными исламистами как идеологическое оправдание возможного участия в теневом бизнесе.

Финансирование за счет поступлений от теневого бизнеса в основном идет на покрытие оперативных расходов филиалов, местных ячеек и ассоциированных организаций. Как правило, оно осуществляется по упрощенной системе: либо по каналам банковской системы при помощи местных схем отмывания незаконных доходов, либо в обход нее, по каналам хавала или путем бартерного обмена наркотиков на оружие. В этой сфере взаимодействие террористов с профессиональным преступным миром наиболее тесно.

Во-вторых, речь идет о вооруженных группировках (на Кавказе и Балканах), которые сформировались на националистической (сепаратистской) основе и лишь впоследствии стали использовать для оправдания своих политических целей исламистскую идеологию. Последняя, кстати, гарантировала им и рост помощи от транснациональных исламистских сетей. Для группировок в этих регионах характерно значительное использование криминальных методов сбора средств, а не традиционных исламских механизмов.

Террористические организации могут получать дивиденды от наркопроизводства, участвовать в наркотрафике и отмывании денег, полученных преступным путем. Однако они сохраняют ряд фундаментальных отличий от чисто криминальных группировок: для последних криминальный бизнес является основным предназначением. Поэтому, по всей видимости, говорить о существовании единого феномена «криминально-террористической общности» нет достаточных оснований. Речь может идти скорее о тесном взаимодействии, взаимосвязях и взаимовлиянии террористических группировок (сетей) и структур организованной преступности.

Различия в природе обоих явлений важно учитывать в борьбе с терроризмом — более сложным и более общественно опас-

ным феноменом, чем традиционная экономическая преступность. Антитеррористические операции должны, конечно, включать собственно антикриминальные меры (отслеживание и блокирование нелегальных денежных потоков, замораживание подозрительных счетов, ужесточение таможенного контроля). Однако они требуют и разработки специфической стратегии и тактики противодействия терроризму, учитывающей особенности природы этого непростого явления.

* * *

Хотя после терактов 11 сентября 2001 г. по транснациональной террористической сети, ответственной за их подготовку и проведение, было нанесено несколько серьезных ударов, глобальная «война с терроризмом» не привела ее к полному уничтожению. В интересах выживания эта сеть стала быстро видоизменяться, рассредоточиваться, делясь и порождая «клоны», успешно приспосабливающиеся к конкретным региональным контекстам.

На данном этапе речь фактически идет уже не о прежней «Аль-Каиде», а о более широком «джихадистском движении», культуре «глобального джихада». Можно сказать, что в этом смысле «Аль-Каида» выполнила свою задачу, сыграв роль идеологического авангарда радикальных исламских движений, их финансового спонсора и катализатора политической активности. В целом уровень террористической активности в мире не снижается, чему отчасти способствуют и действия самих США, подобные войне в Ираке.

При этом доступ внесистемных негосударственных игроков, ведущих террористическую деятельность, к финансам является лишь производной от более фундаментальных характеристик этих организаций и сетей, прежде всего *сочетания их новых структурных возможностей и экстремистской идеологии*.

Получающие все большее распространение горизонтально-сетевые и смешанные конструкции (сети с элементами иерархии) особенно эффективны в асиммет-

ричном противостоянии с государствами как структурами более традиционного вертикально-иерархического типа с высокой степенью централизации. Для сетевых структур общие идеологические (религиозно-идеологические) воззрения играют роль «клея», который соединяет их зачастую разрозненные и неформально взаимосвязанные элементы. На уровне локальных конфликтов особенно опасной потенциальной идеологической базой терроризма является сочетание национализма с религиозным экстремизмом¹⁶. Но именно радикальный исламизм стал главной характеристикой, объединяющей наиболее известную глобальную террористическую сеть «Аль-Каиды» и транснациональное джихадистское движение с местными исламистскими группировками в различных регионах мира.

Сочетание структурных особенностей с экстремистской идеологией является основным условием эффективного использования террористических методов, главным сравнительным преимуществом и «стратегическим ресурсом» террористических группировок в их асимметричном противостоянии государству или международному сообществу государств. Поэтому даже самые жесткие меры по блокированию каналов финансирования террористов будут иметь временный и ограниченный эффект до тех пор, пока террористические организации сохраняют свои структурные преимущества в сочетании с экстремистской идеологией. Пользуясь этими преимуществами, они относительно легко и быстро находят способы восстановить свою финансовую поддержку для продолжения террористической деятельности.

Примечания

¹ Сокращение финансирования террористических организаций со стороны иностранных государств после «холодной войны» является долговременной тенденцией, зафиксированной, в частности, официальными источниками США. См., например: *Patterns of Global Terrorism 2001*. Washington: Office of the Coordinator for

Counter-terrorism, U.S. Department of State, 2002. P. 63.

² В рамках статьи нет возможности остановиться на существующих типах исламистских движений и сетей, в деятельности которых могут преобладать различные приоритеты – политические (политико-социальные), миссионерские, джихадистские (вооруженная борьба против неверных). Важно подчеркнуть, что не все исламистские движения включают джихад в число своих приоритетов и готовы применять насильственные методы.

³ Особенностью этой системы, по сравнению с банковской системой западного образца, является религиозный запрет взимания ссудного (ростовщического) процента, с одной стороны, и принцип «совместной ответственности» банков и их клиентов (которые делят между собой как прибыли, так и возможные убытки) – с другой. К началу XXI в. в мире действовало более 200 исламских банков. Они составляют две трети всех банков в арабских странах. В Иране, Пакистане и Судане все банки являются исламскими.

⁴ К числу таковых относятся ОАЭ (прежде всего Дубай), Кувейт, Бахрейн, Ливан, Пакистан, а также оффшорные зоны типа Лихтенштейна и Багамских островов.

⁵ «Хавала» – в переводе с арабского «денежный перевод» – особенно привлекательна для отправителей и получателей денежных переводов в ситуации, когда представители этнической диаспоры, работающие в странах Запада, регулярно посылают денежные переводы на содержание своих родственников в отсталых странах. Такие неформальные переводы, как правило, быстрее, эффективнее и дешевле официальных банковских переводов (особенно, если страна отправления имеет конвертируемую валюту, а страна-получатель – неконвертируемую валюту и «теневой» обменный курс). Подробнее см., например: *J. Wilson Hawala and Other Informal Payment Systems: An Economic Perspective / Paper presented at the International Monetary Fund Seminar on Current Developments in Monetary and Financial Law. Washington. 16 May 2002.*

⁶ *J.-Ch. Brisard. Terrorism Financing. New York: JCB. 19 December, 2002. P. 11.*

⁷ *Ibid. P. 7, 11.*

⁸ Данные Федерального бюро расследований (ФБР) США. См.: *P. Beckett. Sept. 11 Attacks Cost \$303,672; Plot Papers Lacking, FBI Says // Wall Street Journal. 15 May, 2002.* Стоимость подготовки и осуществления, например, теракта на острове Бали (октябрь 2002 г.), по разным оценкам, не превышала 75 тыс. долларов.

⁹ *W.F. Wechsler, L.S. Wolosky, M.A. Greenberg. Terrorist Financing. Report of an Independent Task Force Sponsored by the Council on Foreign Relations. New York: Council on Foreign Relations Press, 2002. P. 28.*

¹⁰ *Ibid. P. 25.*

¹¹ *Disaster Beckons as US Cuts Lifeline // UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs (OCHA) Integrated Regional Information Networks for Central and Eastern Africa (IRIN – CEA). 2001. 8 November. См. также: E. Stepanova. Anti-terrorism and Peace-building During and After Conflict. Stockholm, 2003. P. 32.*

¹² Подробнее см., например: *A. B. Prados, C.M. Blanchard. Saudi Arabia: Terrorist Financing Issues / CRS Report for Congress RL32499. Washington: CRS, 4 October, 2004. P. 15–17, 20; Update on the Global Campaign Against Terrorist Financing. 2nd Report of an Independent Task Force on Terrorist Financing Sponsored by the Council on Foreign Relations. New York: CFR Press, 15 June, 2004. P. 5, 15.*

¹³ Например, источники финансирования «Хамас» включали доходы от собственной экономической деятельности на палестинских территориях (в частности, строительного бизнеса), средства, поступающие от индивидуальных доноров и благотворительных организаций стран Персидского залива, палестинской диаспоры, иностранных государств и т.д. (См.: *Patterns of Global Terrorism 2001. P. 93.*)

¹⁴ Исключение составляет группировка «Абу Сайяф» на Филиппинах, превратившая эти и другие криминальные промыслы (например, захват западных туристов, миссионеров и местных бизнесменов за выкуп) в основную статью своего дохода. Однако в данном случае речь идет скорее о полной идеологической деградации и окончательной криминализации группировки, отколовшейся в начале 1990-х годов от полноценного исламистского движения Национальный фронт освобождения Мора.

¹⁵ Для Исламского движения Узбекистана (ИДУ), например, наркодоходы стали одним из основных источников финансирования. Подробнее о роли наркодоходов в финансировании организаций, использующих террористические методы, см.: *Степанова Е.А. Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма / ИМЭМО РАН. М.: Весь мир, 2005. С. 197–254.*

¹⁶ В некоторых районах это сочетание может быть усилено рядом местных архаичных социокультурных особенностей, норм и традиций, например, обычаем кровной мести или остатками рабства.